

любовь, живущая между строк, её светло-спасающий образ идёт по всем стихам поэта, как шла по стихам Александра Сергеевича Пушкина и явно, и в подтексте прекрасная Натали.

Пересиливанием этой душевной боли пронизано стихотворение Ивана Переверзина «Вновь живу от беды до беды...»:

Вновь живу от беды до беды,
будто злом сама смерть угрожает,
и проклятья тяжёлого льды
над душою моей нависают.

Только в чём я виновен навек.
Не пойму, не пойму, хоть убейте!
И чернеет безвременья снег,
и смеются безмозглые черти.

Мы сидим на краю перемен —
всем народом заранее проклятых,
что уже приходили взамен
миролюбия в бойне тридцатых.

Я поэт Божьей милостью и
летописец всех дел и событий,
что, вершась на невинной крови,
даже ночи чернее, смотрите!

И запомните крепко умом —
это страшное время России,
ведь нас с ней обрекли на разлом
новой власти скопцы и витии...

В этих прекрасных стихах — горькая правда, о которой сегодня молчат все — и публицист, и поэты — кто обязан в силу своей профессии говорить правду народу.

Да, это — великие стихи — великие и по форме, и по содержанию, ведь мы видим, как мастерски поэт использует соединительный союз «и» — союз, поставленный на рифму и разъединивший эту самую стилистическую объединённость. Так одним союзом «и» поэт заставляет читателя остановиться на этом самом «и», союзе, который неожиданно приобрёл социальную нагрузку, — и знающий себе цену поэт говорит о себе громко. Как это сделал Игорь Северянин в знаменитом стихотворении «Я, гений Игорь Северянин...»

Тут скажут, подумаешь, какой-то союз, который не является даже членом предложения, — да это же мелочь. Не скажите! У настоящего Мастера всё и состоит из таких «мелочей», — потому он и велик. Ведь от знаков препинания до такой «мелочи», как союз, всё у него выверено, а посему и работает на мысль, которая у Ивана Переверзина никогда не бывает ординарной, — да и как она может быть ординарной, если глазами каждого слова она смотрит в глаза читателя, делая их как бы соучастниками поэтического творчества.

Иван Переверзин не только великий поэт, но и выдающийся русский прозаик, о чём я уже писал в эссе «Земли якутской памятник живой»; и проза его так органично переливается в поэзию, что они питают друг друга уникальным словом, и в этом их слиянии — суть его торжества.

О великих поэтах у нас говорят редко. Но у них за плечами вечность, хотя при жизни об их творчестве практически никто не пишет. Но это не беда — ведь на страже их поэзии стоит Время, а с ним ещё никому в жизни не удалось поспорить.

Поскольку в этом эссе речь идёт о Переверзине-поэте, то будет логично закончить его стихотворением «Иван Переверзин», только что мною написанным:

Бывает он и мягок, и суров:
Ведь столько дел —
Как груз самой эпохи —
Взвалил на плечи —
Ко всему готов.

Я поражаюсь, где он для стихов
У Времени берёт скупые крохи.
Поэзия — духовный пьедестал,
К которому спешит толпа безликих.
Другой бы и стиха не написал,
А он за сутки — пять стихов великих.
И стих глядит, чтоб он не изнемог, —
Из глаз стиха лучи сияют ало.
Поэту руку пожимает Блок,
Ведь у него подобное бывало.

Вадим АРЕФЬЕВ

Деньги на дорогу

Когда мой друг Алексей Алексеевич пригласил с собой в поездку на Святую гору Афон, у меня почти не было денег. Конечно же, я знал, что на самом Афоне деньги-то и не нужны. Но ведь до него ещё предстояло добраться. Расходы на оформление визы, на самолёт, на гостиницу в Фессалониках и Уранополисе, на такси или автобус, на паром до самого Афона, да ещё и на обратную дорогу. В общем, средства требовались немалые. А занимать не хотелось, да и, признаться, в моём окружении было не у кого.

Так я и ответил моему другу, что, мол, всем сердцем рад бы отправиться на Афон, да денег нет.

— Надо помолиться, — коротко сказал мне Алексей Алексеевич.

— Ладно, — согласился я. — Попробую. И вас прошу помолиться.

На следующий день я поехал по делам в книжное издательство. И там совершенно случайно, на бегу, встретил своего старого знакомого Сашу Орлова — мы недолго вместе с ним служили в редакции газеты на Тихоокеанском флоте.

— Ну, а чем сейчас занят? — спросил он меня почти сходу.

— Да вот в Грецию, на Афон собираюсь, — ответил я. — Только денег нет.

— Ну, так пойдём, заглянем к Жене — директору издательства, — предложил Саша.

Через минуту мы были в кабинете директора.

— Вот, Женя, это мой товарищ, — коротко представил ему меня Саша Орлов. — На флоте вместе служили. Он на Афон собрался, а денег не хватает.

— А много не хватает? — так же коротко спросил директор.

Я ответил.

— Ну, что же, надо помочь, — сказал директор. Затем он без лишних слов достал из нагрудного кармана и вручил мне необходимую сумму. Правда, добавил на прощание:

— Помолитесь там о нас, грешных!

Афонское крещение

Иногда вспомнится вдруг, как добирались мы с моим другом Алексеем Алексеевичем на Святую гору Афон. Он-то много раз там бывал, а я впервые. Дорога туда пронеслась совсем незаметно. И вот, помню, оказались мы тёплым вечером на самой границе Афона в небольшом городке Уранополисе. Мы поужинали и пошли на берег Сингитского залива осмотреться и искупаться. Я забрёл в воду и ещё подумал: «Надо же — ноябрь на дворе, а вода — как у нас на Урале летом». И хорошо поплавать там, порезвился. А вышел на берег — глядь, а креста-то на мне и нет. Слетел крестик. Расстроился я, пытался нырять, шарить по дну руками, но беспо-

Вадим Арефьев — член Союза писателей и Союза журналистов России, член Русского географического общества, военный моряк, путешественник. Служил в морской пехоте Тихоокеанского флота, полковник запаса. Окончил редакторское отделение Военно-политической академии, преподавал в Военном университете Министерства обороны, был главным редактором журнала «Морской пехотинец». Побывал в писательских командировках в предвоенном Ираке, в Чечне, Приднестровье и других горячих точках страны и мира. В 2005–2006 годах совершил кругосветное плавание на парусном барке «Крузенштерн», был участником Тихоокеанского похода на парусном судне «Надежда». Лауреат международной литературной премии им. И.А. Гончарова, всероссийских литературных премий им. А.С. Грибоедова и А.П. Чехова, национальной литературной премии «Золотое перо Руси». В мае 2017 года Вадим Арефьев, давний и постоянный автор нашей газеты, отметил своё 60-летие. Мы от души поздравляем Вадима Александровича с этой датой и желаем ему творческих успехов, новых увлекательных книг и путешествий!

На Святой горе Афон

лезно — темно уже было, да и плохо под водой видно. В общем, вышел я на берег в расстроенных чувствах. Жалуюсь своему другу, мол, такая вот неприятность произошла. Досадно. Что же делать?

А он смотрит на меня и улыбается.

— Не переживай, — говорит. — Ничего тут случайного не бывает. Просто с этого дня у тебя новая жизнь начнётся. Поздравляю, — говорит, — с Афонским крещением!

И достаёт мне из своего рюкзака новый крестик. Откуда он его взял — до сих пор не знаю.

Вентил

Однажды на Святой горе Афон я услышал удивительное пение. Было это на Каруле, в первый же день после нашего туда прибытия. Ранним утром, едва только солнце выглянуло из-за горизонта, раздался мощный и красивый баритон: «Сла-

— Да, что вы, отче, — возразил я. — Очень хорошо Вы пели. Просто прекрасно! Спасибо!

— Спасибо вам, — сказал монах Даниил. — Да, немножко пою. Тут каждый монах имеет своё маленькое увлечение. Кто-то спортсмен, другой фотографирует, третий людей лечит. У всех есть свой маленький вентил...

— Вентил? — переспросил я.

— Да, — охотно пояснил монах Даниил, — это клапан, чтобы давление в голове снижать. Ну, чтобы голова на месте была...

В Филофее

На Святой горе Афон, где довелось мне побывать целый месяц в начале этого века, более всего поразила костница в монастыре Филофей. Костница — это место, в котором хранятся кости умерших насельников этого монастыря. Как известно, останки монахов на Афоне через несколько лет после их погребения извлекают из земли, тщательно очищают, моют и затем складывают в костницах. Короче говоря, костница — это хранилище костей отошедших ко Господу монахов.

Когда я зашёл в это помещение, то увидел на полках целые ряды черепов. На каждом из них значилось имя хозяина. А кости рук и ног, словно поленья в поленищах, были аккуратно сложены вдоль стен. Понятно,

ва Тебе, показавшему нам свет! Слава в вышних Богу, и на земли мир, в человецех благоволение».

Голос летел над Средиземным морем, над скалами, и уносился в небо к ещё не погасшим звёздам.

— Это у нас монах Даниил так поёт, — сказал послушник Иоанн, хозяин кельи-пещеры, в которой мы остановились. — Он из Сербии. В оперном театре служил. А теперь вот здесь поёт.

Вскоре на совместной трапезе мне довелось познакомиться с монахом Даниилом. Он совершенно не походил на оперного певца. Монах как монах: в выдавшем виде подряснике, с небольшой бородкой, смиренный и добродушный. Я ещё подумал, мол, внешне невзрачный, как соловей.

— Как хорошо и красиво Вы пели утром, — сказал я ему во время нашего застолья и знакомства.

— Наверное, разбудил? — распевно ответил он. — Простите!

что ничего подобного никогда в жизни я ранее не видел. Но странное дело — никакого ужаса пред увиденным не испытал. Да, был, конечно же, внутренний трепет, но страха не было. Я стоял и думал: «Вот где она — живая связь времён». Те, кто жил и служил Богу здесь раньше — они тут и остались. И не только в памяти ныне здесь живущих и постоянно поминающих их насельников, но и физически — в этом здании. И ещё, как нигде и никогда, ощутил в те минуты мимолётность и бренность нашего земного бытия. Вот ведь чудеса, стоишь и смотришь на них, живших несколько веков назад, а они совсем рядом с тобой, во все глазницы смотрят на тебя.

Там ещё была небольшая табличка со словами на греческом языке.

— Что же там было написано? — спросил я чуть позже у сопровождавшего нас гостиничного монаха.

— Мы были, как вы, — коротко ответил он. — Скоро вы будете, как мы.